

В Диссертационный Совет
33.2.018.14,
созданный на базе ФГБОУ ВО
«Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА,
ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
ХЛЕВОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА
на диссертацию **МАРТЫНОВА ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА**
«РЕАЛИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ В КУЛЬТУРОЛОГИИ»,
представленной на соискание учёной степени доктора культурологии
по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства
(культурология)

1. Актуальность избранной темы.

Актуальность представленного диссертационного исследования вполне очевидна. Исследования культуры, начавшиеся, как минимум, трудами Геродота, Страбона и Тацита, лишь с середины XX столетия начали обретать концептуальное оформление и принимать форму теоретической традиции. Если говорить об отечественной почве, то на ней всё развивалось куда сложнее и драматичнее, и процесс революционно-эволюционных преобразований и становления парадигмы, очевидно, далеко не завершён.

Изучение реализма и конструктивизма в культурологии как важнейших теоретических подходов определяет возможности понимания и анализа механизмов восприятия, представления и конструирования реальности. Вечный выбор между стремлением к точному отображению реальности и свойственным конструктивизму пониманием её как социально конструируемого явления отражает не только исследовательскую, но и нравственную позицию учёного. При всём стремлении избегать качественных оценок в сугубо научном анализе, интерпретация ценности тех или иных культурных феноменов не исчезает из списка задач исследователя – очевидно, что реалистический и конструктивистский подходы приведут к разным результатам. Специфика гуманитарных наук в том, что здесь личность исследователя и применяемые им методики в гораздо большей степени влияют на результаты работы и интерпретацию материала, поэтому сам выбор метода зачастую имеет слишком фундаментальное значение.

Важно и то, что исследование оппозиции реализм-конструктивизм в целом активизирует механизмы критического мышления и аналитических навыков. Излишне напоминать, что в настоящее время переизбыток

информации и полифония смыслов выводят задачу критического восприятия на передний план.

Трудно не согласиться с заявлением диссертанта: «Первичность эпистемологического самоопределения в любой исследовательской ситуации является фундаментальным императивом сегодняшнего знания о культуре». Автор вполне сознательно берёт за основу заявляемую в самом первом абзаце «дихотомию Лекторского», аксиоматическое принятие которой и определяет тональность, специфику, отчасти язык и стиль исследования. Очевидно, что В. А. Мартынов вторгается в крайне актуальную сферу формирования концепций культуры, которая в условиях интенсивного взаимодействия культур и их борьбы между собой имеет не только когнитивное, но и эмоциональное измерение. Несмотря на известную опасность такого подхода, следует признать его неизбежность – так или иначе, но размежевание на «своих» и «чужих» имманентно присуще культурологическому дискурсу, и тут самое главное – не перейти границу в оценочных суждениях.

2. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных В. А. Мартыновым в своём исследовании, фундируется представительным фоном научной традиции, с которым автор соотносит свою позицию и от которого отталкивается. Не вызывает сомнения близкое, детальное и вполне «личное» знакомство диссертанта с концептуальными работами современной мировой и отечественной науки (наук?) о культуре. По приблизительной оценке оппонента, автор диссертации так или иначе детально анализирует, рассматривает, оценочно упоминает или имеет в виду концепции не менее чем 225 исследователей – как предшественников, так и наших современников. В этом ряду Л.Г. Морган, А. Крёбер, Л. Уайт, С. Холл, Т. Беннетт, П. Гилрой, Л. Гроссберг, П. Аласутари, К. Баркер, Т. Джефферсон, С. Дюринг, Д. Инглис, Д. Келлнер, Дж. Кларк, Н. Колдри, Дж. Макгиган, Т. Миллер, К. Диркс, М. Иви, К. Ломниц, Дж. Маркус, Р. Моррис, К. Накамура, М. Тауссиг, С. Бордо, Л. Вакант, Д. Вейнберг, Х. Дженс, И. Кавамура, А. Ассман, С. Шмидт, Дж. Болтер, С. Дюррант, Р.Б. Браун, А. Макробби и множество других зарубежных авторов.

Автор свободно ориентируется и в отечественной историографии вопроса, прекрасно знаком с многогранной и полифоничной ситуацией, сложившейся и развивающейся в российской науке. Основываясь на трудах Э.С. Маркаряна, М.С. Кагана, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, А.Я. Гуревича, О.Н. Астафьевой, Г.А. Драча, А.С. Запесоцкого, С.Н. Иконниковой, А.С. Кармина, И.В. Кондакова, Л.К. Кругловой, Л.М. Мосоловой, Ю.Н. Солонина, Н.А. Хренова, А.В. Бондарева, А.К. Забулионите, И.В. Леонова, П.А. Сапронова и многих др. Особо отметим внимание автора к «несистемным», по его терминологии, исследователям культуры: С.С.

Аверинцеву, Г.Д. Гачеву, С.М. Даниэлю, А.П. Каждану, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинскому и др.

Диссертант выносит на защиту содержательный комплекс из 18 положений, достаточно ясно (хотя и порой публицистично) сформулированных.

Автор опирается на представительный корпус источников и аналитической литературы, представленный 908-ю позициями в списке, из которых более трети – труды на иностранных языках, а значительная часть русскоязычного списка литературы – переводные работы авторов Запада и Востока. Диссертант активно, обильно, уместно и адекватно цитирует этот фонд, поддерживая многоуровневый диалог со своими предшественниками и современниками, коллегами по исследованию культуры. Корректность этого диалога, даже если он порой приобретает определённую эмоциональность, не вызывает сомнений и безусловно подтверждает квалификацию автора как культуролога – практика и теоретика.

3. Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Достоверность исследования напрямую вытекает из обоснованности авторских положений и выводов. Новизна же его определена последовательной и вполне радикальной оппозицией реализма и конструктивизма в исследованиях культуры. Нельзя не согласиться с автором в том, что он исповедует «радикально полемичный взгляд, противостоящий устоявшимся подходам».

Несколько поэтично, на наш взгляд, но в целом верно автор отмечает, что его исследование является безусловной «апологией реализма, ...оригинальной как в целом, так и в частностях». Трудно не признать оригинальным и фундаментальным вывод диссертационного исследования, формулируемый автором так: «именно реалистическая культурология является дискурсом, создающим плюрализм».

4. Значимость для науки и практики полученных автором результатов.

Диссертационное исследование В.А. Мартынова представляет собой детализированное и подробное исследование путей развития культурологического знания за рубежом и в России. Акцент автора смещён на фундаментальные последствия выбора одной из двух эпистемологических стратегий, – реализма или конструктивизма, – каковой выбор определяет и комплекс последствий. Безусловную ценность представляют авторские умозаключения о причинах формирования текущей ситуации в науках о культуре. В частности, имеют значение реконструкции путей взаимовлияния прикладных исследований, национальных традиций, политических

обстоятельств и дискурсивных практик в западной науке конца XIX – начала XXI вв. Также ценно для дискуссии представляют выводы автора о специфике формирования поля постсоветской культурологии, хотя и не со всеми из них можно согласиться.

5. Рекомендации по использованию выводов и результатов диссертации.

Результаты диссертационного исследования В.А. Мартынова могут быть использованы весьма широко. В первую очередь они заставляют задуматься о дальнейших путях развития отечественной культурологии как научной и академической дисциплины. Как представляется, сам автор предельно однозначно понимает выводы из собственного исследования, однако они имеют более широкое толкование. В частности, фундаментальное исследование оппозиции идей конструктивизма и реализма на таких многочисленных примерах может быть использовано в преподавательской практике.

6. Общая оценка содержания диссертации, её завершенности.

1. Диссертационное исследование В.А. Мартынова выполнено на хорошем теоретико-методологическом уровне, включает в себя обширную, представительную и верифицируемую источниковую базу, отличается хорошим знакомством автора как с базовыми, так и маргинальными теоретическими конструктами, присутствующими в исследованиях культуры в современном мире. Докторант уверенно ориентируется не только в содержании культурологических концепций, но и в породивших их историко-культурных контекстах. Нельзя не отметить и ощутимой страстности исследователя, неформально заинтересованного в постижении истины и продвижении своих идей, поддержании своего рода культурной гигиены, озабоченного будущим культуры как таковой.
2. Язык диссертанта, ясен, литературен, грамотен, чист, местами хлёсток и даже слегка агрессивен, что, во всяком случае, вновь свидетельствует об искренней заинтересованности в результате своего исследования. При всей публицистичности ряда пассажей, докторанту удаётся в целом удержаться от сползания как в публицистичность, так и в академическую пафосность.
3. Автор обладает хорошим ощущением глубины научно-теоретической мысли, отлично ориентируется не только в содержании концепций предшественников, но и в тонких нюансах их мировоззренческих позиций.
4. Интуитивно понятная предпочтительность реалистического подхода, как представляется, более чем очевидно продемонстрирована диссертантом на примере подхода антропологов к исследованиям

архаичных обществ в середине XX в. Собственно, этого примера было бы вполне достаточно самого по себе для доказательства фундаментальной задачи исследования.

5. В общем следует признать, что авторская позиция доносится до читателя достаточно отчётливо и непротиворечиво, доказательная стратегия диссертанта хорошо продумана и неотделима, очевидно, от его концептуальных убеждений и жизненной позиции.
6. Однако, как всякое масштабное исследование, работа В. А. Мартынова не лишена, разумеется, ряда недостатков, на которые стоит обратить внимание. Как часто это бывает, недостатки диссертации напрямую вытекают из её достоинств и часто обусловлены акцентами, расставляемыми автором. С другой стороны, ряд недостатков носит дискуссионный характер и обусловлен исключительно разницей подходов к самому явлению культуры со стороны оппонента и диссертанта. К тому же надо понимать, что, выбирая любая актуальность темы чревата сползанием в моду, политизацию и решение текущих острых проблем, что прямо противоречит фундаментальности исследования как такового.
7. Надо сказать, что для оппонента сам по себе концепт «Культуры с большой буквы» и недвусмысленное противопоставление такового некоей «культуре с маленькой буквы» представляются не просто неочевидными, но и достаточно спорными. Да, эти формулировки присутствуют в научной литературе и, в частности, встречаются в работах докторанта. Однако складывается впечатление, что они подаются как нечто само собой разумеющееся и очевидное для читателя. Если это «Культура» и «культуры» в духе К.К.М.Клакхона, то следует это пояснить, если нечто иное – тем более.
8. Далее, оппоненту в процессе знакомства с текстом упорно недоставало внятного и однозначного, предельно лаконичного авторского определения культуры как таковой. Учитывая без преувеличения запредельное количество трактовок культуры, мы имеем в культурологии специфическую ситуацию – любое исследование, на взгляд оппонента, должно предваряться чёткой дефиницией, не оставляющей сомнений в авторской позиции по этому вопросу.
9. Поскольку оппонент придерживается последовательного и достаточно радикального антропологического понимания культуры, в позиции диссертанта ему регулярно видится аксиология и аксиологический подход. Что не является, безусловно, предосудительным. Однако, по субъективному мнению оппонента, аксиологичность как таковая осложняет собственно реалистический подход в культурологических исследованиях, за который так безапелляционно ратует диссертант. При этом следует признать, что диссертант осознаёт проблему и настойчиво говорит о «войнах

определений культуры» (Сс. 58-60). Представляется очевидным, что многие вопросы могут быть сняты или деактуализированы, если вместо выяснения «какова» культура в мировоззренческой картине того или иного автора, мы зададимся вопросом «что» есть культура в его концепции.

10. Есть некоторые вопросы к формулировке целей исследования. Так, из трёх заявленных В.А. Мартыновым целей только одну (вторую по счёту) можно признать вполне корректно и непротиворечиво сформулированной. Остальные – «указание на значимость...» и «защита Культуры с большой буквы...», при всём понимании авторского замысла – это достаточно публицистичные, на взгляд оппонента, для диссертационного исследования обороты.
11. Однозначно вызывает вопросы строгое размежевание диссертантом исследователей в стилистике жёсткой дихотомии и, прямо скажем, оппозиции. Стремление делить эпистемологическое наследие острым лезвием авторского суждения: «зарубежные культуральные исследования являются конструктивистским знанием» (С. 477); «российская реалистичная культурология ближе к истории, чем конструктивистская» (С. 478) и тому подобные, исключительно густо рассыпанные по полутысяче страниц диссертационного текста. Целая когорта отечественных исследователей – сторонников, по мнению диссертанта, конструктивистского подхода – выделяется в отдельную и априорно чуждую отечественной традиции группу, что навевает устойчивые ассоциации с поиском инакомыслия и прилагающимся к нему комплексом негативных оценок. Вправе ли мы выносить вердикты такого уровня? Для оппонента ответ очевиден.
12. Трудно признать чем-то иным, нежели публицистическим трюизмом высказывание докторанта: «...Россия – страна особенная, и люди в ней особенные. Нигде в мире нет другой такой страны, где десятки миллионов людей вот уже почти пятьдесят лет каждую новогоднюю ночь смотрят один и тот же фильм, слушают наизусть известные каждому шутки, и смеются ещё при этом. И это правильно. Потому что любить классику – это хорошо. Поэтому в России доверия к классике больше, чем где-либо» (С. 478). Помимо очевидности того, что любая страна и её культура уникальны, отметим, что автор приводит пример скорее угасающей «советскости», чем «русскости»: по наблюдениям оппонента, отечественное студенчество уже пару десятилетий индифферентно к «Иронии судьбы» и уже лет десять не понимает «классических» шуток.
13. Автор допускает порой завуалированные, но вполне «панибратские» и покровительственные нотки тональности в отношении к предшественникам (вне зависимости от степени их «маститости», что в данном случае не является принципиальным). Так, в тексте постоянно появляются разного рода «инквизиторские стратегии

- журнала» и т. п. обороты; вызывает недоумение общая радикальная оценка деятельности Российского института культурологии и т. д.
14. Из недвусмысленной авторской позиции, очевидно для автора, вытекает сколь фундаментальный, столь и безапелляционный вывод: реализм – хорошо, НЕРЕализм – плохо. Автор с изрядным апломбом неоднократно заявляет: «Все они – реалисты, все они утверждали реализм словом и делом... Всё это – реализм...» и т. д. Такой радикализм, свойственный многим ораторам, – от Перикла и Христа в изложении Матфея («кто не со Мной, тот против Меня...») до Остапа Бендера, вполне уместный в публицистике, как представляется, вызывает некоторый дискомфорт у непредвзятого читателя.
 15. Нельзя не отметить некоторой избыточности саморепрезентации автором своего вклада. Так, в разделе теоретических оснований и методологии Введения он заявляет следующее: «Несмотря на то, что эпистемологии в диссертации много, она является строго культурологической. Нигде размышление не уходит далеко от собственно культурологических проблем. Автора настоящей диссертации по большому счету заботит только культурологическая конкретика... при этом сама диссертация все же полностью культурологична. Диссертация является полностью целостным самостоятельным текстом, вся аксиоматика, необходимая для понимания диссертации, в ней же и изложена... Уже сама теоретически выятная постановка проблемы делает диссертацию о реализме и конструктивизме в культурологии научно оригинальным исследованием» (Сс. 20-21). Как представляется, подобные суждения, сколь бы они ни были обоснованными, допустимы в устах рецензирующего текст субъекта, но вряд ли автора.
 16. Устойчивое стремление автора продемонстрировать принципиальную чуждость российской культурологии «английской» науке о культуре, безнадежность тупика, в который зашли зарубежные исследования культуры впечатляют, однако порой кажутся чересчур утрированными, если даже не политизированными. Впрочем, этот аспект является продолжением вышеизложенного и вытекает из него.
 17. Наконец, упомянутое выше утверждение автора «именно реалистическая культурология является дискурсом, создающим плюрализм» оставляет «за кадром» ответ на вопрос, отчего дискурс конструктивизма лишён этой животворящей способности.

**7. Заключение о соответствии диссертации критериям,
установленным Положением о порядке присуждения учёных
степеней.**

Несмотря на отмеченные проблемы и отдельные недостатки, диссертационное исследование Владимира Анатольевича Мартынова является полностью самостоятельным и завершённым научным исследованием, выполненным на высоком научно-профессиональном и методологическом уровне, вносящим вклад в теорию и историю культуры. Структура диссертационного исследования адекватна поставленным целям и задачам, а сами цели и задачи диссертационного исследования в целом успешно достигнуты. Автор демонстрирует широту кругозора, уверенное владение инструментарием культурологического анализа, собственную оригинальную позицию в оценке теоретического наследия наук о культуре.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что диссертация Мартынова Владимира Анатольевича «Реализм и конструктивизм в культурологии», представленная на соискание учёной степени доктора культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства (культурология), является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, связанной с выявлением особенностей развития фундаментальных теоретических концептов современной отечественной культурологии в контексте дихотомии реализма и конструктивизма. Данная задача имеет большое значение для развития культурологического знания и соответствует требованиям, предъявляемым к докторским исследованиям данной специальности, в том числе соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. в действующей редакции. А её автор – Мартынов Владимир Анатольевич – заслуживает присуждения учёной степени доктора культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства (культурология).

доктор философских наук
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры,
профессор, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Института общественных наук и международных отношений
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Севастопольский государственный университет».

21 ноября 2023 года

Контактные данные:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Севастопольский государственный университет»
Адрес: 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
Тел.: +7 (906) 227-90-21, рабочий тел. (8692) 43-50-02
E-mail: hlevov@mail.ru,
web-сайт: www.sevsu.ru

 - Хлевов Александр Алексеевич

Подпись Хлевова А.А. удостоверяю
Начальник отдела кадров
 С.В. Бернацкая
« 21 » 11 20 23 г.